

КАТЕГОРИЯ ИНКЛЮЗИВА И ЭКСКЛЮЗИВА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Рассматриваются средства выражения категории инклюзива и эксклюзива в алтайских языках: специальные местоимения и именные и глагольные показатели в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, формы минимального и расширенного инклюзива в императивной парадигме тюркских языков. Особое внимание уделено структурным схемам образования инклюзивных форм в алтайских языках. Рассматриваются также плеонастические личные местоимения множественного числа тюркских языков и якутские двойственные местоимения в плане их участия в выражении этой категории.

Ключевые слова: категория инклюзива/эксклюзива, алтайские языки, минимальный и расширенный инклюзив.

Введение

В статье описываются специализированные средства выражения инклюзивной и эксклюзивной семантики в алтайских языках. Эксклюзивные формы относятся к говорящему и третьим лицам, не участвующим в коммуникации (непокуторам), но не включают адресата в скопус своей референции. Инклюзивные формы относятся к говорящему, адресату и, возможно, к третьим лицам. Тунгусо-маньчжурские и в меньшей степени монгольские языки имеют специальные эксклюзивные и инклюзивные личные и притяжательные местоимения, посессивные аффиксы, а также эксклюзивные и инклюзивные личные формы глагола, см. разделы 1 и 2. Что же касается тюркских языков, то, как мы писали ранее [2], некоторые лингвистические феномены, которые отдельными тюркологами оценивались как противопоставленные в плане категории инклюзива/эксклюзива (например, якутские двойственные местоимения и общетюркские личные местоимения, в которых присутствуют два или более аффикса множественности), по своей семантике не имеют к этой категории никакого отношения. Тем не менее они используют общеалтайские структурные модели образования инклюзивных форм на базе эксклюзивных, см. разделы 4 и 5.

Большинство сибирских тюркских языков и туркменский развили две формы императива единственного числа первого лица (также называемые хортативными, кохортативными, эксхортативными в типологической литературе), которые некоторыми тюркологами оцениваются как противопоставленные между собой эксклюзивные и инклюзивные формы. Мы уже показывали, что обе эти формы являются инклюзивными, причем одна из них, форма минимального инклюзива, относится только к говорящему и адресату, а другая, форма расширенного инклюзива, относится к говорящему, адресату или адресатам и, возможно, к третьим

лицам [2]. Формы расширенного инклюзива на базе минимального строятся по структурным моделям построения инклюзивных форм на базе эксклюзивных (см. раздел 3).

1. Инклюзивные и эксклюзивные формы в тунгусо-маньчжурских языках, структурные модели построения инклюзивных форм

1.1. Тунгусо-маньчжурские языки различают два местоимения 1-го л. мн. ч.; см. эвенкийские и удэгейские личные местоимения [3, с. 76; 4, с. 90–91].

Личные местоимения						
эвенкийские			удэгейские			
	SG	PL		SG	PL	
1	bi	bu	mut~mit (EXCL) (INCL)	1	bi	bu minti (EXCL) (INCL)
2	si	su		2	si	su
3	nuḡan	nuḡartin		3	nua	nuati

Аналогичная картина присутствует в большинстве тунгусо-маньчжурских языков; см. табл. 1 [5, S. 107]. Нанайский и ульчский языки не имеют этой категории. Формы, соответствующие эксклюзивным местоимениям других тунгусо-маньчжурских языков, выступают в них как формы общего 1-го л. мн. ч.

Эта категория реконструируется и для прото-тунгусо-маньчжурского [5, S. 108]:

*bi «я» *büä «мы:EXCL» ~
 ~ mün.ti «мы:INCL»
*si «ты» *süä «вы»
*ni «он/а/о» *ti «они»

Основа эксклюзивного местоимения 1-го л. мн. ч., используемая в косвенных падежах, служит базой для образования инклюзивного местоимения [5, S. 111]. Элемент *-ti/-t*, присутствующий в составе инклюзивного местоимения, считается аффиксом множественного числа [6, с. 179], возмож-

¹ Данный труд является несколько переработанным и сокращенным авторским переводом статьи, изданной на английском языке, см. [1].

Таблица 1

Именительный падеж тунгусо-маньчжурских личных местоимений
1-го л. мн. ч. и их косвенные основы

Маньчжурский	Нанайский	Ульчский	Орочский	Удэгейский	Солонский	Негид.	Эвенк.	Эвенский
be «we:EXCL» men+	buə bun+	büe mün+	bu mun+		bü mün+	bu mun+		bu mun+
muse «we:INCL»	–	–	biti	minti	mīti	bit(ta)	mit(i)	mut

Таблица 2

Посессивные аффиксы в тунгусских языках

Форма	Эвенк.	Эвенский	Негид.	Удэгейский	Нанайский
1PL:EXCL					
-V	-wun	-w(un)	-wun	-u	-pu
-C	-wun	-un	-kun, -wun, -pun, -γun	-u	-pu
-n	-mun	-m(un)	-mun	-mu	-pu
1PL:INCL					
-V	-t, -p	-t	-t	-fi	–
-C	-(i)t	-(a)t	-(i)t	-fi	–
-n	-ti	-ti	-ti	-fi	–

но, происходящим из прототунгусо-маньчжурского местоимения 3-го л. мн. ч. *ti [7, с. 15–25].

Тунгусо-маньчжурские формы с семантикой «мой, твой, его и т.д.», т.е. по сути притяжательные местоимения, образованы от косвенных основ личных местоимений посредством суффикса, реконструируемого как *+ŋi, который функционирует также и как показатель родительного падежа [5, с. 90]. Образования с аффиксом -ŋi различают эксклюзивные и инклюзивные притяжательные местоимения в языках, имеющих эту категорию: эвенское *munŋi* «наш:EXCL» противопоставлено *mutŋi* «наш:INCL» [8, с. 95], негидальское *mun* «наш:EXCL» противопоставлено *mun'ŋi* «наш:INCL» [3, с. 116] и т.д.

1.2. Тунгусские языки различают также две формы посессивных и личных аффиксов 1-го л. мн. ч.

в именной и глагольной парадигмах. Эти аффиксы генетически связаны с личными местоимениями, хотя происхождение некоторых из этих аффиксов не вполне ясно. В маньчжурском языке нет посессивных аффиксов, здесь принадлежность выражается притяжательными местоимениями. Тунгусские языки имеют посессивные аффиксы, которые восходят к клитизированным личным местоимениям, и рефлексивно-притяжательные аффиксы, восходящие к слову *beye* «тело, человек, сам» в комбинации с посессивными маркерами. В табл. 2 показаны посессивные аффиксы в ряде тунгусских языков [6, с. 173]. Эти аффиксы имеют разные морфофонологические варианты после основ на гласную (-V), согласную (-C) и -n. Нанайский не имеет одну «общую» форму 1-го л. мн. ч., которая соответствует форме эксклюзива в других тунгусских языках.

Таблица 3

Тунгусские личные глагольные аффиксы 1-го л. мн. ч.

Форма	Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Удэгейский	Нанайский
«Длинные» личные аффиксы глагола (кроме аориста и наст. вр.)					
1PL:EXCL	-wun	-wun, -un	-wun	-u	-pu
1PL:INCL	-t, -p	-ti	-ti	-ti, -fi	–
«Краткие» личные аффиксы (используются в аористе и перфекте)					
1PL:EXCL	-w				
1PL:INCL	-p		-fi		–

Клитизированные личные местоимения развиваются также в личные формы глагола, которые, соответственно, имеют эксклюзивные и инклюзивные формы в 1-м л. мн. ч., см. табл. 3 [6, с. 173–

174]. В ряде тунгусских языков отмечается тенденция образования инклюзивных личных форм, материально отличных от эксклюзивных. Согласно [6], эксклюзивные формы являются норматив-

ными. Что касается инклюзивных форм, мы имеем *-t/(-ti)* в посессивной парадигме (и в «длинных» личных глагольных формах) и *-p* (*-fi* в удэгейском языке) в вербальной парадигме. Котвич идентифицирует первый аффикс как инклюзивный формант (а также формант двойственного числа), а второй – как краткую форму личного местоимения *bi*, 1SG. Бенцинг считает эти форманты стянувшимся прототунгусо-маньчжурским личным местоимением **mün.ti*, где элемент *-ti* является личным местоимением 3-го л. мн. ч., а также показателем множественности [5, с. 111].

Хотя категория клузивности¹ кажется вполне стабильной в тунгусо-маньчжурских языках, определенные семантические сдвиги были отмечены в императиве эвенского языка, где, по словам Андрея Мальчукова (личная коммуникация), оппозиция эксклюзива/инклюзива заменяется на оппозицию минимального и расширенного инклюзива.

2. Эксклюзивные и инклюзивные формы в монгольских языках, структурные модели образования инклюзивов

Монгольские языки исторически имели две формы местоимений 1-го л. мн. ч. Инклюзивное местоимение реконструируется и в протомонгольском, хотя и оно считается инновацией в протомонгольском языке позднего периода [10, с. 18–19], см. табл. 4. По мнению Янхунен, оно было составлено из местоимения 1-го л. ед. ч. **bi* и 2-го л. мн. ч. **ta*, т. е. я плюс вы: **bida* (также **bide*). Эксклюзивное местоимение *ba* – это комбинация *bi* «я» и форманта множественности *-a*. Данное мнение разделяет большинство монголистов [11, S. 2–4; 12, р. 215; 13, с. 176–178] и т. д. Монгольский ученый Тумуртоого Домии [14] считает элемент *-da* в *bida* аффиксом множественности *-dan*. Он аргументирует это тем, что в письменных источниках, написанных монгольским, китайским, арабским письмом, это местоимение всегда пишется как *bidan*. В современных монгольских языках косвенная основа этого местоимения имеет форму *bidan*, *beden*, *budan*. Соответственно, Домии считает, что местоимение *bidan* не могло быть инклюзивным местоимением, так как в его морфологической структуре нет элемента 2-го л. мн. ч. По его мнению, *ba* и *bidan* использовались параллельно как местоимения 1-го л. мн. ч. какое-то короткое время и не имели оппозиции эксклюзива/инклюзива. Некоторые монгольские языки развили эту категорию позже.

Мы можем отметить, что инклюзивные формы строились в алтайских языках различными спосо-

бами, одним из которых был аффикс множественности, добавленный к основе эксклюзива. Даже если монгольское инклюзивное местоимение не имело форманта 2-го л. мн. ч. в своей морфологической структуре, этот факт не исключает возможности существования категории эксклюзива/инклюзива в исторических монгольских языках.

Таблица 4

Протомонгольские личные местоимения

Число	1	2	3
Singular	*bi	*ci	*i
Plural	*ba EXCL	*bida INCL	*a

Согласно [15], в *Сокровенном сказании монголов* оппозиция эксклюзива и инклюзива уже существовала; местоимение *bida* имело несколько функций: 1) инклюзива, 2) формы вежливости и возвеличивания (Pl. Majestatis). *Ba* также имело 2 функции: 1) эксклюзива, 2) формы скромности (Pl. Modestiae). Можно предположить, что изначальное местоимение 1-го л. мн. ч. **ba* (в косвенных падежах **man-*) было ограничено эксклюзивной функцией и постепенно маргинализировалось. Хотя формальное различие инклюзивных и эксклюзивных местоимений сохраняется в современных монгольских языках в косвенных падежах, видимо, существовала тенденция слияния этих форм в номинативе и замены **ba* на **bida*. Единственный монгольский язык, все еще сохраняющий изначальные личные эксклюзивные и инклюзивные местоимения, – это дагурский. Мы находим также остатки различия эксклюзива/инклюзива в глагольных личных показателях, восходящих к клитизированным личным местоимениям [16, с. 85].

3. Инклюзив и эксклюзив в тюркских языках

3.1. Инклюзивные и эксклюзивные формы в тюркской императивной парадигме²

Большинство тюркских языков, как и древнетюркский, имеют только одну форму императива 1-го л. мн. ч.: древнетюркский *sïn-alim!* [проверить-ИМП.1PL] «Давайте проверим!». Эти языки подразделяются на следующие группы:

1) языки, которые формально не различают эксклюзивной и инклюзивной семантики в императиве, как древнетюркский и турецкий. Форма императива 1-го л. мн. ч. может использоваться как в эксклюзивных, так и в инклюзивных контекстах. В ситуации, когда гости собираются уходить, турецкое предложение *Gid-elim!* [идти-ИМП.1PL] может быть интерпретировано двояко: а) «Давайте

¹ Термин «клузивности» (clusivity) был создан для описания эксклюзивной и инклюзивной семантики и средств их выражения в языках разных систем в рамках единой категории. Эта категория привлекла пристальное внимание типологов в недавнее время [9].

² Мы описывали категорию клузивности в тюркском императиве в [17].

пойдём!» (обращаясь к хозяину/хозяевам и приглашая его/их к совместному действию – инклюзивный контекст), б) «Ну, (мы) пойдём!» (обращаясь к хозяину/хозяевам и, возможно, спрашивая его/их согласия – эксклюзивный контекст);

2) языки с формой «общего инклюзива»: форма императива 1-го л. мн.ч. используется только в инклюзивных контекстах (например: балкарский, чалканский); в эксклюзивных контекстах используются другие наклонения.

Ряд тюркских языков, преимущественно сибирских, имеют более одной формы императива 1-го л. мн.ч. Мы выделяем среди них следующие группы:

1) языки, которые различают формы минимального и расширенного инклюзива: якутский [18, с. 320–322]: *bar-iax* [идти-IMP.INC.1MIN] «Давай пойдём (ты и я)!» и *bar-iaġiŋ* [идти-IMP.INC.1AUG] «Давайте пойдёмте (вы и я)!»; долганский [19, с. 179–182]: *bar-iaq* [идти-IMP.INC.1MIN] «Давай пойдём (ты и я)!» и *bar-iaġiŋ* [идти-IMP.INC.1AUG] «Давайте пойдёмте (вы и я)!»; тофаларский [20, с. 222–225]: *al-aali* [взять-IMP.INC.1MIN] «Давай возьмём (ты и я)!» и *al-aaliŋ/al-aaliŋar* [взять-IMP.INC.1AUG] «Давайте возьмём (вы и я)!» и т.д. Помимо сибирских тюркских языков только туркменский имеет эту категорию; здесь *-a:lil-ä:li* противопоставлено *-a:lil-ä:li:ŋ:gödlä:li* [смотреть-IMP.INC.1MIN] «Давай посмотрим!», *gödlä:li:ŋ* [смотреть-IMP.INC.1AUG] «Давайте посмотрим!» [21, с. 299; 22, с. 269–270];

2) языки, которые различают эксклюзивные, минимальные инклюзивные и расширенные инклюзивные формы; хакасский язык является единственным известным нам тюркским языком, который в императиве развил эксклюзивную форму 1-го л. мн.ч. *-i: bis/-i:bis* [23] в дополнение к формам инклюзива: *Al-aŋ!* [взять-IMP.INC.1MIN] «Давай возьмем!», *Al-aŋnar!* [взять-IMP.INC.1AUG] «Давайте возьмем!», *Al-i:bis!* [взять-IMP.EXC1PL] «Давайте мы возьмем (но не ты)!».

Ряд тюркских языков России развил аналитические формы инклюзивного императива как результат калькирования соответствующих русских форм 1-го л. мн.ч. Наряду с синтетическими формами императива 1-го л. мн.ч. русский язык имеет две аналитические формы, состоящие из частиц *давай/давайте* плюс формы будущего, и настоящего времени или инфинитива основного глагола. Эти частицы сами восходят к императивной форме 2-го л. ед. или мн.ч.: *дав-ай* [дать-IMP.2SG], *дав-ай-те* [дать-IMP.2SG+2PL]. Эти формы различают минимальный и расширенный инклюзив: *Давай пойдём* (ты и я)! – минимальный инклюзив, *Давайте пойдём* (вы и я)! – расширенный.

Тюркские аналитические формы, построенные по русскому образцу, могут быть двух типов: они

могут различать минимальную и расширенную инклюзивную семантику или быть формами общего инклюзива. Они используют различные собственно тюркские ресурсы для структурного копирования русских форм и находятся на разных стадиях грамматикализации.

1. Чалканский язык, очевидно, находится в процессе образования аналитической формы общего инклюзива на базе переосмысления аналитической акционсартной формы со вспомогательным глаголом *ver-* «дать» и деепричастием на *-A* лексического глагола: *Par-a ver-ek!* [идти-CONV дать-IMP.INC.1PL] «Давай/давайте пойдём (ты и я или вы и я)!». Эта форма имеет семантику общего инклюзива.

2. Чувашский и балкарский языки уже развили формы аналитического инклюзива в императиве по русскому образцу. В чувашском языке имеются три формы императива 1-го л. мн.ч.: синтетическая форма общего инклюзива *Lar-ar!* [сидеть-IMP.1PL] «Давай/давайте посидим (ты или вы плюс я)!», аналитические формы минимального и расширенного инклюзива с частицей *ayda*, функционально аналогичной русской частице *давай*: *Ayda lar-ar!* [PTCL:SG сидеть-IMP.1PL] «Давай посидим!» противопоставлено *Ayd-är kunda lar-ar!* [PTCL-PL сидеть-IMP.1PL] «Давайте посидим!». В балкарском языке мы видим похожую картину, но императивная частица здесь развилась на базе глагола *kel* «приходить»: сравните *Kel bar-ayik!* [PTCL:SG идти-IMP.1PL] «Давай пойдём!» и *Kel-igiz bar-ayik!* [PTCL-PL идти-IMP.1PL] «Давайте пойдём!» [23, с. 198].

3.2. Структурные образцы построения тюркских инклюзивных форм

В тюркских языках, имеющих синтетические формы минимального и расширенного инклюзива, расширенный инклюзив строится по образцам, описанным в [24]. Первый структурный образец, аддитивный, используется в якутском, тофаларском, тувинском и туркменском: форма расширенного инклюзива состоит из формы минимального плюс императивный формант 2-го л. мн.ч. (т.е. *мы + вы*), сравните в якутском *-IAX* (минимальный инклюзив) and *-IAG+Iŋ* (расширенный; *-Iŋ* – императивный показатель 2-го л. мн.ч.).

Тюркские языки Алтая и Саяна (хакасский, шорский, алтайский и его разновидности), а также чувлымский используют мультипликативную модель образования расширенного инклюзива: к аффиксу минимального инклюзива здесь добавляется показатель множественности *-LAr* (т.е. *мы + мы*).

В процессе исторического развития некоторых тюркских языков формы расширенного инклюзива несколько раз обновлялись [25]. Это обновление шло по следующей схеме: форма минимального инклюзива плюс формант расширенного инклю-

зива (показатель 2-го или 1-го л. мн. ч. или показатель множественности) давали форму расширенного инклюзива. Далее прежний показатель минимального инклюзива выходил из употребления, а его место занимал показатель расширенного инклюзива, который в свою очередь становился базой для образования новой формы расширенного инклюзива. На каких-то этапах развития языка несколько форм минимального и расширенного инклюзива существовали параллельно благодаря диалектным различиям или еще неполному переходу от прежней оппозиции к вновь образованной¹.

4. Местоимения с несколькими показателями множественности

Тюркские языки не имеют инклюзивных и эксклюзивных местоимений. Однако некоторые тюркские местоимения считались представителями категории клузивности. Грэнбек одним из первых использовал термин инклюзив/эксклюзив для описания оппозиции местоимений 1-го л. мн. ч. с несколькими показателями множественности (т. е. плеонастических) и местоимений с одним показателем множественности: он считал, например, турецкое местоимение *bizler* от *biz* «мы» инклюзивным, а *biz* эксклюзивным [26], аналогично [27, с. 7–9; 28]. Подобные местоимения были отмечены в алтайском, тувинском, каракалпакском, киргизском, казахском и других тюркских языках [29, с. 208].

По нашим наблюдениям, подобные образования имеются в разговорных вариантах практически всех тюркских языков, хотя грамматики их и не всегда отмечают. Они описывались в тюркологии по-разному: в [21, с. 180–181] отмечается, что туркменское *bizler* – это то же самое, что и *biz*, или оно обозначает особую группу людей как сообщество; *sizler* – то же, что и *siz*, или особая группа людей, или вежливая форма. Ларс Йохансон [30, с. 51] считает, что подобные местоимения обозначают индивидуализированную множественность. Ф.Г. Исхаков [29, с. 216] отмечает, что в разговорном тувинском личные местоимения могут содержать два и более аффикса множественности: *bister* (*bis* «мы» + *-LAr*) // *bisterler* (*bis* «мы» + *-LAr* + *-LAr*). Кроме того, *-s* в *bis* – также аффикс множественности. Аналогичным образом строятся и плеонастические местоимения в других лицах: *silerler* (*siler* «вы» из *siz* «вы» + *-LAr* + *-LAr*), *olarlar* (*olar* «они»

из *ol* «он/а/о» + *-LAr* + *-LAr*). Мы можем добавить, что плеонастические местоимения используют ту же структурную модель, что и обновленные формы расширенного инклюзива (см. 3.1.2).

Что касается их семантики по сравнению с «нормальными» формами множественного числа, то, по нашим данным, они часто обозначают изолированную группу людей, которые противопоставлены общей массе людей, но часто они используются и как синонимы «нормальных» местоимений. Этот феномен описывался в алтайском языке в [31, с. 110], где отмечается, что это коллективные местоимения, часто имеющие ироническую и даже презрительную окраску: *bister* «мы и подобные нам, что-то в этом роде», *slerler* «вы и подобные вам». Что касается категории клузивности, то плеонастические местоимения к ней индифферентны: турецкие *biz* и *bizler* могут быть использованы по отношению к говорящему и адресату/адресатам, по отношению к говорящему и третьим лицам и т. д., основное условие их употребления – это то, что говорящий включает себя в реферируемую группу.

5. Якутские двойственные местоимения

Якутский язык имеет специфические формы местоимений двойственно-собираательных местоимений *bihikki* «двое из нас, мы вдвоём» и *ähikki* «двое из вас, вы вдвоём»: *bihigi* + *ikki* and *ähigi* + *ikki* [27, с. 188–190]², которые Грэнбек рассматривал как эксклюзивные [26, с. 81].

Местоимение *bihikki* обозначает собираательное действующее лицо, которое относится к говорящему и адресату или третьему лицу, выраженному отдельной номинальной фразой в номинативе, т. е. «мы вместе с кем-либо ещё»: *kini bihikki biirge* [он/а мы.вместе вместе] «мы вместе с ним/нею». Это местоимение используется в инклюзивных и эксклюзивных контекстах. Постороеение «двойственно-собираательное местоимение + второй участник» занимает одно синтаксическое место в структуре предложения и может быть любым членом предложения.

Заключение

Мы не обнаружили общетюркских средств выражения категории клузивности, подобных тунгусо-маньчжурским и монгольским, ни в глагольной, ни в прономинальной сфере тюркских язы-

¹ Мы не можем исключить возможности того, что первоначальная оппозиция эксклюзивных и инклюзивных форм по какой-то причине была заменена на оппозицию минимальных и расширенных инклюзивных форм. Семантически этот путь развития был бы более оправдан, так как причиной падения «старых» форм эксклюзива могло быть то, что эксклюзивные контексты в императиве очень редки; соответствующие формы в результате использовались только спорадически и уходили в забвение. Смена парадигмы, т. е. замена оппозиции эксклюзива/инклюзива на оппозицию минимальных и расширенных форм инклюзива, могла быть причиной обновления соответствующих форм. Как видим, эта оппозиция оказалась очень продуктивной и дала толчок развитию не только синтетических, но и аналитических форм инклюзива.

² Структурная модель построения якутских двойственных местоимений напоминает нам монгольский способ маркирования однородных членов предложения.

ков. Тем не менее имеются две четкие изоглоссы в тюркской императивной парадигме, отражающие эту категорию. Сибирские тюркские языки и туркменский имеют оппозицию минимального и расширенного инклюзива в 1-м л. мн. ч. Остальные языки в основном нейтральны по отношению к этой категории. Тюркские языки в европейской части России имеют тенденцию выработки аналитических форм минимального и расширенного инклюзива по русскому образцу.

Сам факт, что сибирские тюркские языки развили специальные инклюзивные формы, а также что имеются общетюркские плеонастические и якутские двойственно-собираательные местоимения, примечателен. С одной стороны, их можно рассматривать как попытку скопировать категорию клузивности соседних алтайских языков тюркскими средствами, с другой стороны, эти формы могут быть остатками общеалтайской категории. То, что туркменский также имеет инклюзивные формы, особенно важно, так как туркменский язык, наряду с якутским, сохранил и многие другие древние черты, утраченные другими тюркскими языками.

Тюркские языки для образования форм расширенного инклюзива и плеонастических местоимений используют общие для всех алтайских языков модели. Мы отмечаем следующие общеалтайские

структурные черты. В языках с оппозицией эксклюзива/инклюзива формы эксклюзива служат основой для образования форм инклюзива. В языках с оппозицией минимального и расширенного инклюзива первый служит основой для образования второго. Показатели множественности и формы 2-го л. мн. ч. наиболее часто служат для образования инклюзивных и расширенных инклюзивных форм соответственно.

Близость этих структурных образцов очень примечательна. Не случайно тюркологи, занимающиеся также и другими алтайскими языками, рассматривали эти тюркские явления как оппозицию эксклюзива и инклюзива. А семантический сдвиг в сторону оппозиции минимальных и расширенных форм инклюзива объясняется нестабильностью этой категории в алтайских языках в целом: монгольские языки ее практически утратили, как и ряд тунгусо-маньчжурских, семантические сдвиги в императиве наблюдаются и в тунгусо-маньчжурских языках. Являются ли эти структурные общие черты доказательством генетического родства алтайских языков? Необязательно. На примере образования аналитических инклюзивных форм в тюркских языках России мы наблюдаем структурное заимствование категорий языками иных систем и иных языковых семей.

Список сокращений

AUX – auxiliary; AUG – augmented; CONV – converb; EXC – exclusive; IMP – imperative; INC – inclusive; PL – plural; PTCL – particle; SG – singular.

Список литературы

1. Nevskaya I. Inclusive and exclusive in Altaic languages // *Transeurasian Verbal Morphology in a Comparative Perspective: Genealogy, Contact, Chance (Turcologica 78): collection of research papers* / Eds. L. Johanson, M. Robbeets. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. P. 115–128.
2. Nevskaya I. A. Inclusive and exclusive in Turkic languages // *Clusivity: Typological and Case Studies of the Inclusive-Exclusive Distinction: joint monograph* / Eds. E. Filimonova. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 339–357.
3. Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык // *Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*. Л.: Наука, 1968. С. 109–129.
4. Кормушин И. В. Удэхейский язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
5. Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. 1955. AGSK. № 11. 151 S.
6. Kotwicz W. *Studia nad językami altajskimi*. Krakow, 1953. Пер. на рус. язык: Исследование по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
7. Бойцова А. Ф. Категория лица в эвенкийском языке. Л.: Наука, 1941. 192 с.
8. Новикова Р. Ф. Эвенский язык // *Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*. Л.: Наука, 1968. С. 88–109.
9. *Clusivity: Typological and Case Studies of the Inclusive-Exclusive Distinction: joint monograph* / Eds. E. Filimonova. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. 436 p.
10. *The Mongolic languages: joint monograph* / Eds. J. Janhunen. L.–N. Y.: Routledge, 2003. 433 p.
11. Ramstedt G. J. Über mongolische Pronomina // *JSFOu*. 1904. № 23:3. S. 2–4.
12. Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki, 1955. 300 p.
13. *Грамматика хакасского языка* / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
14. Domii T. The inclusive and the exclusive in Mongolian // *Mongol Ulsin Ix Sürgүүлjн. Erdem šinžilgeenij bičig. Acta Mongolica* / Eds. Shagdarsuren (s), Ts. Ulannbaatar: National University of Mongolia, 2006. V. 6 (267). С. 77–78.

15. Doerfer G. Exklusiv und Inklusiv in der Geheimen Geschichte der Mongolen // *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged*, 1991. С. 29–35.
16. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1963. 266 с.
17. Nevskaya I. Inclusive and exclusive forms in the Turkic imperative paradigm // *Essays on Turkish Linguistics (Proceedings of the 14th International Conference on Turkish Linguistics, August 6–8) (Turcologica 79): collection of research papers / Ed. S. Ay et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009. P. 421–430.*
18. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. 322 с.
19. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985. 213 с.
20. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 286 с.
21. Грамматика туркменского языка. I. Фонетика и морфология. Ашхабад: Илим, 1970. 330 с.
22. Clark L. *Turkmen Manual*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. 708 p.
23. Dobrushina N., Goussev V. Inclusive imperative // *Clusivity: Typological and Case Studies of the Inclusive-Exclusive Distinction: collection of research papers / Ed. E. Filimonova. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 151–179.*
24. Schönig C. Diachronic and areal approach to the Turkic imperative paradigm // *Utrecht Papers on Central Asia. (Utrecht Turcological Series 2): collection of research papers / Eds. M. van Damme, H. Boeschoten. Utrecht: Institute of Oriental Languages, 1987. P. 205–222.*
25. Nasilov D. M., Isxakova X., Safarov Š., Nevskaya I. A. The Imperative sentences in Turkic languages // *Typology of Imperative Constructions: joint monograph / Ed. V. S. Xrakovskij. München: Lincom, 2001. P. 181–220.*
26. Grönbech K. *Der türkische Sprachbau*. Kopenhagen: Levin and Munksgaard, 1936. 182 S.
27. Убрятова Е. И. Еще раз об исключительности (эксклюзиве) и включительности (инклюзиве) в якутском языке // *Языки народов Сибири: грамматические исследования: сб. науч. трудов / под ред. Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной. Новосибирск: Наука, 1991. С. 3–11.*
28. Менгес К. Х. Категория включительности/исключительности в тюркских языках // *Проблемы современной тюркологии: мат-лы II Всесоюз. конф. (27–29 сентября 1976 г., г. Алма-Ата): сб. науч. трудов / под ред. Б. А. Тулебаева. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1980. С. 385–387.*
29. Исхаков Ф. Г. Личные местоимения // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: моногр. Т. 2: Морфология / под ред. Н. К. Дмитриева. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 208–263.*
30. Johanson L. The structure of turkic // *The Turkic languages: joint monograph / Eds. L. Johanson, É. Csató. L.: Routledge, 1998. P. 30–67.*
31. Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 224 с.

Невская И. А., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, приват-доцент.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск), Институт тюркологии Берлинского свободного университета.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Материал поступил в редакцию 25.11.2011.

I. A. Nevskaya

INCLUSIVE AND EXCLUSIVE IN ALTAIC LANGUAGES

The article deals with the category of inclusive/exclusive in Altaic languages: special sets of pronouns and nominal and verbal forms in Manchu-Tungusic and Mongolic, forms of augmented and minimal inclusive in Turkic imperative paradigms. A special attention is paid to the structural patterns of building inclusive. All-Turkic multi-plural personal pronouns having more than one affix of plurality in their morphological structure as well as collective-dual pronouns in Yakut are characterized according to their ability to express inclusive/exclusive semantics.

Key words: *exclusive, inclusive, minimal and augmented inclusive Altaic languages.*

The Institute of Philology, Siberian Branch of RAS.

Ul. Nikolayeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: nevskaya@em.uni-frankfurt.de